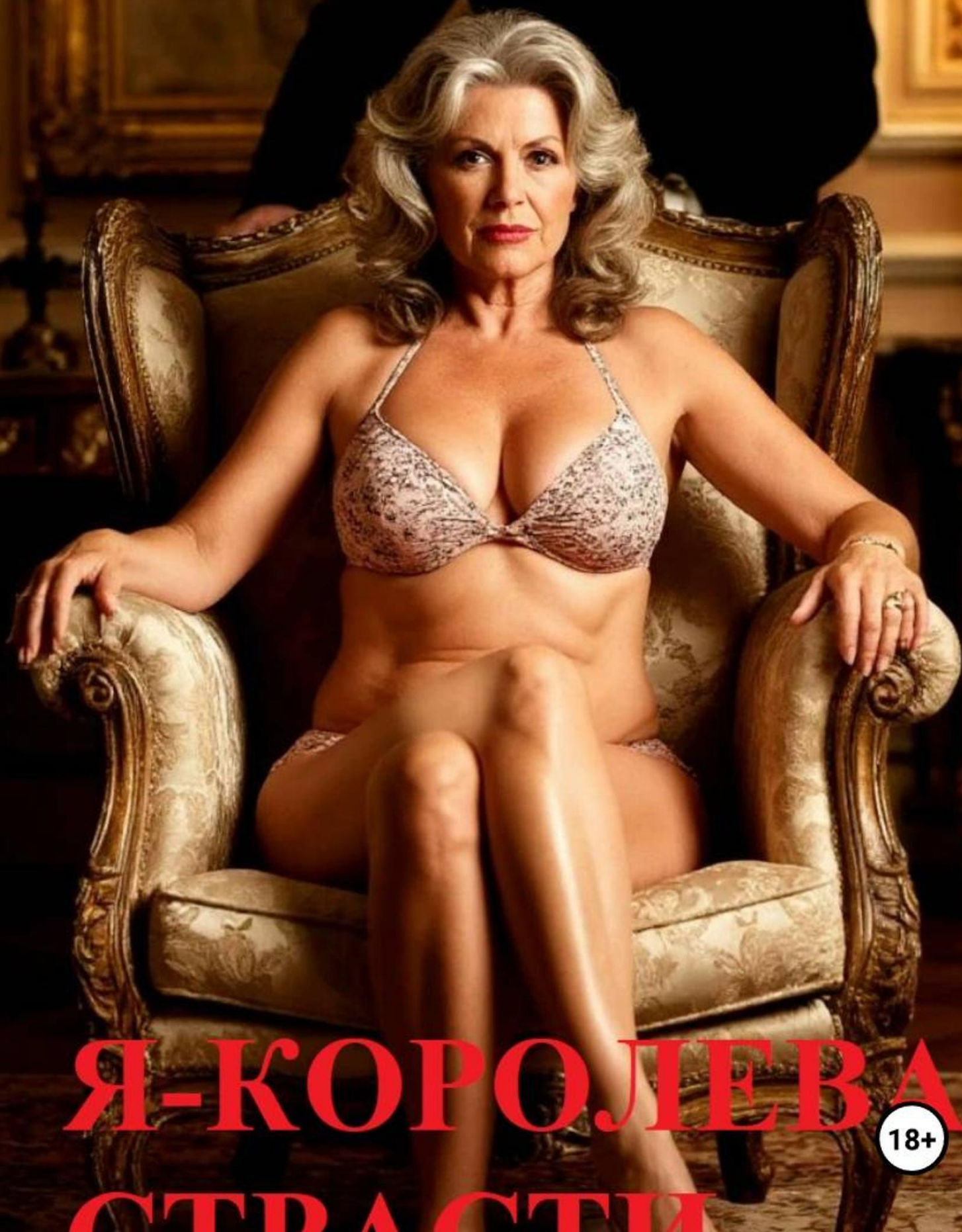

Взор

Я-КОРОЛЕВА
СТРАСТИ

18+

Диана Феррис

Я - королева страсти

«Автор»

2026

Феррис Д.

Я - королева страсти / Д. Феррис — «Автор», 2026

Аделаиде Лорен сорок девять. Она богата, безупречна и знаменита своей коллекцией картин и дурной славой. В её особняке с тяжёлыми красными шторами нет места иллюзиям: здесь молодые мужчины — художники, музыканты, студенты — получают деньги, славу и спасение от долгов, а она — их время, внимание и абсолютную покорность. Аделаида не считает себя хищницей. Она уверена, что честная сделка между двумя свободными волями куда благороднее лжи, которую обычный мир называет любовью. Но идеальный механизм её жизни даёт сбой, когда в галерее появляется двадцатичетырёхлетний реставратор Михаил Ветровский. Он слишком проницателен, чтобы верить её циничной философии, и слишком горд, чтобы продаться. Михаил видит за блеском её контроля панический страх одиночества и настоящего чувства. Он не хочет её денег. Он хочет добраться до её голого холста. ..Кому понравится? Женщины 25–55 лет, которые устали от наивных «золушек» и ищут сложные, психологически глубокие истории о взрослых, осознанных отношениях.

© Феррис Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Я - королева страсти

Глава

Глава первая. Дом с красными шторами

В городе говорили, что дом Аделаиды Лорен построен не из камня, а из чужих признаний и подавленных желаний.

Это было преувеличением, но не слишком большим. Окна первого этажа её особняка закрывали тяжёлые, кроваво-красные шторы. Они были слишком театральными для частного жилища и слишком похожими на бархатный полог огромной бесконечной спальни. Аделаида считала это удачным.

— Всякая жизнь нуждается в декорации, — говорила она, проводя кончиками пальцев по мягкой ткани. — Иначе люди начинают принимать случайность за судьбу, а похоть — за любовь.

В тот вечер она давала приём. Воздух в доме был густым, настоящим на дорогих духах, терпком вине и скрытом, животном напряжении. Аделаида знала: мужчины приходят сюда не за искусством. Они приходят, чтобы она посмотрела на них так, словно они — единственный шедевр в комнате, который ей не терпится раздеть.

Ей было сорок девять. Возраст, когда женщина перестаёт оправдываться за свои желания и начинает ими повелевать. На ней было чёрное платье с глубоким, хищным вырезом на спине, обнажающим бледную, безупречную кожу. Лицо Аделаиды не скрывало её опыта, и именно это делало её неотразимой. В её тёмных глазах читалась уверенность женщины, которая знает о мужском теле всё, и которая ещё не встретила того, кто сможет её удивить.

Она скользила взглядом по толпе, пока не остановилась на нём.

Михаил Ветровский.

Он стоял перед картиной «Женщина у окна», сжимая в руке бокал, к которому не прилагивался. Он был худ, небрежно одет, с тёмными, слегка вьющимися волосами и тем напряжённым изяществом в плечах, которое бывает у людей, привыкших много работать руками. Аделаида почувствовала, как внутри неё, внизу живота, медленно и тяжело зарождается пульс. Её привлекала не просто его молодость. Её возбуждала его сосредоточенность. Он смотрел на холст так, словно собирался его вскрыть.

Она подошла бесшумно, остановившись так близко, что могла уловить его запах: дорогие краски, скипидар, дешёвый табак и острый, мужской пот. От этого запаха у неё слегка перехватило дыхание.

— Плохая реставрация, — сказал Михаил, не оборачиваясь. Он чувствовал её тепло спиной.

Аделаида шагнула ещё на полшага. Её грудь почти касалась его пиджака.

— Простите? — murmured она низким, бархатным голосом, от которого, как она знала, у мужчин подкашивались колени.

— Я сказал, реставрация плохая.

— Это моя картина.

— Тем хуже для картины.

Он наконец повернулся. Его глаза встретились с её. В них не было ни робости, ни желания угодить. В них был вызов. Аделаида почувствовала, как по её коже пробежала горячая волна. Она захотела снять с него эту дешёвую рубашку. Захотела провести ногтями по его ключицам, чтобы проверить, дрогнет ли он.

— Что именно вам не нравится? — спросила она, глядя ему прямо в губы.

— Здесь закрасили первоначальный рисунок, — его голос стал тише, хриплее. — Художник сначала поместил в руку женщины ключ. Потом кто-то решил, что ключ слишком откровенен, и превратил его в тень. Они скрыли суть. Закрыли то, что должно было быть обнажено.

— Вы любите снимать слои, Михаил? — softly спросила Аделаида.

— Я ненавижу фалышь. Я люблю добираться до голого холста. До мяса.

Сзади кто-то громко рассмеялся, но они оба словно оглохли. Воздух между ними сгустился, стал вязким, электрическим. Аделаида представила, как он стоит над ней, как его грубые, сильные руки реставратора касаются её кожи, снимая с неё все защитные слои, всю броню богатства и возраста.

— Хотите заработать? — спросила она, не отводя взгляда от его глаз.

Михаил сглотнул. Его кадык медленно скользнул вниз. Он тоже это чувствовал. Тяготение. Опасность.

— На реставрации?

— На правде. На том, чтобы вскрывать то, что другие прячут.

Она взяла со стола карточку выставки. Её пальцы, униженные кольцами, коснулись его ладони, когда она передавала ему картон. Кожа к коже. Искра была такой сильной, что Михаил чуть не отдернул руку, но удержался. Его пальцы непроизвольно сжались, на секунду удержав её руку в плену. Аделаида улыбнулась одними губами.

— Завтра в десять утра. Принесите лупу, перчатки и своё дурное мнение.

— А если я не приду?

— Тогда я решу, что вы умнее, чем кажется. И трусливее.

— А если приду?

— Тогда я позволю вам коснуться моего... архива.

Михаил выпустил её руку. Его дыхание стало чуть тяжелее.

Аделаида Лорен не боялась отказов. Она боялась только одного: что этот мальчишка с глазами волка откажется от неё бесплатно.

Глава вторая. Три правила и одно исключение

Библиотека пахла старой кожей, воском и тайнами. Солнечный свет сюда почти не проникал, и Аделаида предпочитала полумрак. Он скрывал возраст, но подчёркивал изгибы тела.

Михаил пришёл в десять минут одиннадцатого.

Она ждала его, сидя в глубоком кожаном кресле, закинув ногу на ногу. Разрез чёрной юбки обнажил бедро. Она видела, как его взгляд на долю секунды метнулся к её ноге, а затем, через силу, вернулся к глазам. Аделаида почувствовала прилив жара. Власть над ним уже начала пьянить.

— Вы опоздали, — сказала она.

— Вы ждали? — он стоял у стола, не решаясь сесть. В его позе была скрытая, пружинистая агрессия.

— Я всегда жду. Это дешевле, чем сердиться. Подойдите ближе.

Он сделал шаг. Ещё один. Теперь он стоял так близко, что она могла коснуться его ремня, просто протянув руку.

— У вас есть правила? — спросил он, глядя на папку с его именем.

— Для всего.

Аделаида медленно поднялась. Она была на высоких каблуках, и теперь её лицо оказалось в опасной близости от его лица. Она видела, как расширились его зрачки.

— Первое, — её голос стал тихим, вибрирующим, почти интимным. — Никто в этом доме не обещает вечности. Страсть конечна. Мы продаём и покупаем только то, что происходит сейчас.

Михаил не отвёл глаз.

— Разумно.

— Второе... — Аделаида подняла руку. Её холодные пальцы остановились в миллиметре от его горячей шеи, над расстёгнутым воротником рубашки. Она чувствовала жар, исходящий от его кожи. — Никто не прикасается к другому человеку без ясного, недвусмысленного согласия.

Она замерла. Воздух в комнате задрожал. Это было высшей формой эротической пытки: предлагать прикосновение, но требовать, чтобы его выпрашивали.

— Вы разрешаете мне коснуться вас, Михаил? — прошептала она, глядя на его губы.

Его челюсть сжалась. Грудь тяжело вздымалась. Он боролся с собой, с инстинктами, с её запахом, который сводил его с ума.

— Нет, — выдохнул он хрипло. — Пока нет.

Аделаида медленно опустила руку. Удовлетворение, острое и сладкое, пронзило её. Он был силён. Его сопротивление было куда эротичнее дешёвой покорности.

— Ещё разумнее, — улыбнулась она. — Третье: деньги, подарки и услуги называются своими именами. Я не покупаю вашу душу. Я покупаю ваше время и ваши руки.

— А четвёртое? — спросил он, не сводя с неё потемневших глаз.

— Четвёртое правило я оставляю для себя.

Она отошла к столу, разрывая эту невыносимую, сладкую близость, и открыла папку.

— Каталогизировать архив. В нём около двухсот картин, писем и набросков. Некоторые документы... очень откровенны. Вы будете касаться моего прошлого. Голыми руками.

Михаил посмотрел на контракт. Сумма была абсурдной. Сумма, которая покупала не просто работу, а преданность.

— Это слишком много.

— Тогда возьмите меньше.

— Вы предлагаете торг?

— Я предлагаю вам не лгать себе. Вы хотите этих денег. Вы хотите войти в мой дом, в мою спальню... в мою жизнь. Признайте это.

Михаил взял тяжёлую серебряную ручку. Его пальцы были длинными, с коротко остриженными ногтями и следами химических реактивов. Руки, которые умели быть нежными и безжалостными одновременно. Аделаида смотрела на его кисть, и её воображение рисовало картины, от которых у неё пересыхало во рту. Как эти пальцы сжимают простыни. Как они скользят по её бёдрам.

Он подписал договор. Резко, с нажимом.

— Я не хочу, чтобы этот договор означал что-то ещё, — сказал он, отбрасывая ручку.

— Он означает ровно то, что вы чувствуете, когда стоите рядом со мной, — ответила Аделаида.

Она взяла лист. Их пальцы снова соприкоснулись. На этот раз Михаил не отдернул руку. Он поймал её взгляд, и в его глазах больше не было холода. Там был голод. Тёмный, первобытный, пугающий их обоих.

— Теперь вы мне принадлежите, Михаил, — тихо сказала она.

— Никому не принадлежу, — ответил он, делая шаг к ней, нарушая все мыслимые границы личного пространства. Его губы оказались у самого её уха. — Но я с удовольствием позволю вам думать, что это не так. Пока вы платите.

Аделаида закрыла глаза, вдыхая его запах. Она поняла, что совершила ошибку. Она хотела купить мальчика. А впустила в дом мужчину, который собирался раздеть её до самого дна. И самое страшное — она хотела этого больше всего на свете.

Глава третья. Молодой человек в чужом пальто

В первые три дня Михаил почти не разговаривал.

Он работал в архивной комнате, куда солнечный свет проникал лишь после полудня, и сортировал бумаги, фотографии, письма и эскизы. Его движения были осторожны, но не благоговейны. Он обращался с прошлым как с больным человеком: без страха, однако не без уважения.

Аделаида наблюдала за ним из соседней комнаты.

Она умела ждать. Этому искусству её научили не любовники, а картины. Картина может молчать годами, прежде чем обнаружит под верхним слоем чужую руку. Человек обычно выдаёт себя быстрее, но зато умеет лгать убедительнее.

На четвёртый день Михаил пришёл в чужом пальто.

Пальто было слишком широким в плечах, с потёртыми пуговицами и запахом табака. Аделаида увидела его в холле и сказала:

— Вам не идёт.

— Мне холодно.

— Это не оправдание.

— Это причина.

— Вы могли купить другое.

— Я не мог.

— Не могли или не захотели?

— Разве существует большая разница?

— В вашем возрасте — да.

Михаил снял пальто и повесил его на спинку стула.

— Вы всё время говорите о возрасте.

— Я всё время слышу, что должна его стыдиться. Приходится напоминать окружающим, что я уже привыкла.

— Я не говорил, что вам следует стыдиться.

— Вы пока вообще ничего обо мне не говорили.

— Я работаю.

— Работа — самый приличный способ прятаться.

Он посмотрел на неё.

— Вы тоже прячетесь?

— Разумеется. Я прячусь за откровенностью. Это самый надёжный костюм.

В этот день они впервые обедали вместе. На столе были рыба, хлеб, зелёный салат и бутылка вина. Аделаида выпила немного, Михаил отказался.

— Вы не пьёте?

— Иногда.

— Сегодня не тот день?

— Сегодня я не хочу терять контроль.

— Скучная привычка.

— Вам бы понравилось, если бы я потерял контроль?

Она поставила бокал.

— Мне нравятся люди, которые сами решают, когда его потерять.

Михаил не ответил.

Из сада донеслась музыка. Лев упражнялся на скрипке, упрямо повторяя одну и ту же фразу. В ней было что-то жалкое и вызывающее одновременно.

— Он вам нравится? — спросил Михаил.

— Лев?

— Да.

— Он талантлив.

— Я не об этом.

— Тогда сформулируйте лучше.

— Вы тянетесь к мужчинам, которых можно изменить?

Аделаида улыбнулась.

— Нет. Я тянусь к мужчинам, которые думают, будто их нельзя изменить.

— Это одно и то же.

— Только для человека, который ещё не пробовал.

— А вы меняете людей?

— Иногда они меняются рядом со мной. Это приятнее.

— Потому что тогда можно считать себя причиной.

— Причины всегда переоценивают. Люди меняются по собственным причинам, а потом ищут виноватого или спасителя.

Михаил положил вилку.

— Вы покупаете их время.

— Иногда.

— И думаете, что покупаете их добровольно?

— Я думаю, что каждый взрослый человек обязан знать, что продаёт.

— А если он не знает?

— Тогда он ещё не созрел для сделки.

— А если ему нужны деньги?

— Деньги нужны всем. Это не делает человека безвольным.

— Но делает его уязвимым.

— Уязвимость не отменяет достоинства. Иначе бедным пришлось бы запретить принимать подарки, а богатым — получать любовь.

— Вы называете любовью то, что оплачиваете?

— Нет. Я называю любовью то, что не могу оплатить.

Она сказала это без улыбки.

На некоторое время разговор прекратился.

Аделаида заметила, что Михаил смотрит на её руки. Не на лицо, не на платье, не на украшения. На руки — сухие, тонкие, с заметными прожилками. Руки реставратора, хотя она почти не работала с кистью последние двадцать лет.

— Вы хотите спросить, почему я не скрываю возраст? — сказала она.

— Нет.

— Тогда спросите что-нибудь другое.

— Почему вы меня наняли?

— Вы уже спросили.

— Вы не ответили.

— Это не значит, что ответа нет.

— Значит, он вам не нравится.

Аделаида откинулась в кресле.

— Вы напоминаете мне одного человека.

— Кого?

— Себя, когда я была моложе.

— Вы были такой же неприятной?

— Нет. Я была гораздо приятнее. Поэтому меня чаще обманывали.

Вечером Михаил продолжил работу до поздней ночи. Когда он уходил, Аделаида стояла у лестницы. Он надел чужое пальто, затянул шарф и пошёл к двери.

— Михаил, — окликнула она.

Он обернулся.

— Завтра возьмите из шкафа синее пальто. Оно вам подойдёт.

— Я не могу принять подарок.
— Это не подарок. Это часть рабочего гардероба.
— Значит, вы уже нашли способ обойти третье правило.
— Нет, — сказала Аделаида. — Я просто нашла более красивую формулировку.

Он покачал головой и вышел.

Аделаида подошла к окну.

Через несколько минут Михаил появился на улице. Он шёл в чужом пальто, чуть сутулившись, словно хотел стать незаметнее. В свете фонаря его фигура казалась моложе, чем была.

Аделаида отвернулась.

Ей не нравилось, когда желание начиналось с жалости.

Но она знала: чаще всего именно так оно и начиналось.

Глава четвёртая. Покупка, которой нельзя совершить

Лев пришёл к Аделаиде в полночь.

Он не звонил в дверь. Он стучал так, словно требовал у дома признания.

Аделаида спустилась сама. На ней был длинный халат цвета тёмного вина, а волосы оставались распущенными. Она не любила показываться гостям в таком виде, но Лев не был гостем. Гости приходили по приглашению. Лев приходил потому, что ему некуда было идти.

— Что случилось? — спросила она.

— Я вам нужен?

— Этот вопрос обычно задают люди, которые уже знают ответ.

— Мне нужны деньги.

— Это более честно.

— Мне нужны не просто деньги. Мне нужно, чтобы вы дали их сейчас.

— Сколько?

Лев назвал сумму.

Аделаида не изменилась в лице.

— Что вы сделали?

— Ничего.

— Тогда почему должны?

— Я подписал договор.

— С кем?

— С человеком, который обещал устроить мне выступления.

— А теперь?

— Теперь он говорит, что я должен заплатить за неустойку.

— Вы читали договор?

Лев усмехнулся.

— Я играл на скрипке, а не занимался юриспруденцией.

— Это не ответ.

— Я был уверен, что всё получится.

— Это ещё хуже.

Она пропустила его в холл. Лев был бледен, под глазами лежали тени. Он держал скрипку в футляре, будто та могла защитить его от людей.

Михаил спустился сверху, услышав голоса.

— Вы всё ещё здесь? — спросил Лев.

— Он работает, — сказала Аделаида. — В отличие от некоторых.

— Я пришёл не за лекцией.

— Вы пришли за деньгами. Лекции входят в стоимость.

Лев поставил футляр на стол.

— Я продам скрипку.

Михаил посмотрел на него.

— Не делайте этого.

— А что мне делать?

— Разобраться в договоре.

— Пока я буду разбираться, меня найдут.

— Кто?

— Люди, которым всё равно, умею я читать или нет.

Аделаида велела слуге принести документы. Через десять минут перед ней лежал контракт. Она прочла его внимательно, затем ещё раз.

— Вы должны неустойку, но сумма завышена. Этот пункт можно оспорить.

— Через суд?

— Возможно.

— У меня нет денег на суд.

— У меня есть.

Лев посмотрел на неё.

— В обмен на что?

Вопрос прозвучал вызывающе, но голос его дрогнул.

Аделаида почувствовала знакомое удовольствие. Она любила мгновение, когда деньги появлялись в разговоре и все прочие приличия сгорали, как тонкая бумага.

— В обмен на право нанять адвоката, — сказала она.

— А потом?

— Потом вы вернёте мне деньги.

— А если не смогу?

— Тогда не вернёте.

— И будете ждать?

— Нет. Буду напоминать.

— Только напоминать?

— Лев, вы слишком часто смотрите на мир как на комнату с одним выходом.

Он сжал руки.

— Вы хотите сказать, что помогаете мне без условий?

— Нет. Я никогда не помогаю без условий. Я просто стараюсь, чтобы условия были видны.

Михаил взял договор.

— Здесь есть ещё пункт о передаче прав на ваши будущие выступления.

— Я знаю.

— Тогда вы не просто должны деньги. Вы отдали ему всё.

Лев отвернулся.

Аделаида встала и подошла к футляру со скрипкой.

— Сколько она стоит?

— Не трогайте.

— Я спросила не вас.

Лев резко шагнул вперёд.

— Не надо.

— Я могу купить её, — спокойно сказала Аделаида. — Потом отдам вам в аренду на тех же условиях.

— Вы хотите купить мою скрипку?

— Я хочу купить вещь, которая принадлежит вам. Не вас.

— А если вы потом скажете, что и я вам принадлежу?

— Тогда вы напомните мне о правилах.

— Вы всё время прячетесь за правилами!

— Потому что без них люди прячутся за чувствами. Это гораздо опаснее.

Лев открыл футляр. Скрипка была старой, с потёртым лаком и маленькой трещиной возле подбородника.

— Она от деда, — сказал он.

— Значит, вы не хотите её продавать.

— Нет.

— Тогда мы не будем покупать её.

Аделаида взяла телефон и набрала номер адвоката. Через пять минут она договорилась о встрече утром и внесла деньги на счёт.

— Я верну, — сказал Лев.

— Возможно.

— Я не хочу быть вашим должником.

— Тогда станьте моим клиентом.

— А если я не хочу быть и клиентом?

— Тогда станьте человеком, которому однажды помогли. Это неприятный, но переносимый статус.

Лев долго смотрел на неё. Его лицо было молодым, но выражение — старым. Аделаида поняла, что этот вечер привлёк её не меньше, чем любой красивый мужчина, вошедший в её дом с уверенной улыбкой.

Не красота была важна.

Важен был момент, когда человек обнаруживал: его свобода не исчезла, но теперь требует усилий.

— Вы останетесь до утра, — сказала она.

— Почему?

— Потому что вы дрожите.

— Я не дрожу.

— Тогда вам нечего бояться гостевой комнаты.

Он хотел возразить, но промолчал.

Михаил всё ещё стоял у лестницы.

Когда Лев поднялся наверх, он сказал:

— Вы получили то, что хотели.

Аделаида посмотрела на него.

— Что именно?

— Благодарность.

— Благодарность — самый дешёвый из человеческих товаров.

— Но вы всё равно его купили.

Она посмотрела на закрытый футляр.

— Нет, Михаил. Я купила время. Человека купить нельзя.

— Вы сами в это верите?

— Сегодня ночью — да.

— А завтра?

Аделаида улыбнулась.

— Завтра будет другая цена.

Глава пятая. Бал в гостинице

Отель «Империял» в эту ночь казался не зданием, а живым, дышащим организмом, чьим сердцем был снятый Аделаидой пентхаус на последнем этаже. Здесь, над спящим городом, воздух был другим: густым, настоящим на дорогих сигарах, терпком шампанском и том тяжёлом, электрическом флёре, который всегда сопровождал Аделаиду Лорен.

Она стояла у панорамного окна, за которым мерцали огни ночного города, и позволяла себе роскошь быть просто женщиной, наблюдающей за своим отражением в стекле. На ней было платье из тяжёлого изумрудного шёлка, которое больше походило на искусно задрапированную воду. У него не было спины. Глубокий, дерзкий вырез начинался у самого затылка и нырял вниз, открывая позвоночник и ямочки над бёдрами, оставляя кожу беззащитной перед прохладой кондиционеров и горячими взглядами гостей. Ткань облегла её бёдра и грудь так плотно, что при каждом вдохе казалось, будто платье вот-вот уступит натиску её тела. Аделаида знала, как она выглядит. Она знала, что каждый мужчина в этой комнате уже мысленно провёл ладонью по её обнажённой спине, и это знание грело её лучше любого алкоголя.

Но сегодня она ждала не мужского восхищения. Она ждала одного взгляда.

Михаил Ветровский стоял в дальнем углу зала, у колонны, покрытой тёмным мрамором. Он был в чёрном костюме, который сидел на нём чуть слишком свободно — одежда, купленная по необходимости, а не по любви. В руке он сжимал бокал с виски, но не пил. Он смотрел на неё. Не на её платье, не на её украшения, а на то, как она движется, как она повелевает пространством, даже просто стоя неподвижно. Его взгляд был тяжёлым, почти осязаемым. Аделаида чувствовала его на своей обнажённой спине, словно прикосновение горячих губ. От этого phantom-ного касания у неё сладко заныло внизу живота.

— Мы готовы начать, мадам Лорен? — тихо спросил распорядитель вечера, появляясь за её спиной.

Аделаида медленно повернулась. Зал, наполненный тридцатью избранными гостями — художниками, музыкантами, молодыми хищниками и стареющими меценатами, — мгновенно затих.

— Начнём, — произнесла она. Её голос, низкий и бархатный, легко преодолел расстояние. — Сегодня мы не будем говорить об искусстве. Искусство — это лишь способ оправдать то, что мы чувствуем на самом деле. Сегодня мы сыграем в правду.

Она прошла в центр зала, где был расставлен круг из глубоких бархатных кресел. Гости заняли места. Михаил остался стоять у колонны, скрестив руки на груди. Он был единственным, кто не подчинился её негласному приказу сесть, и эта маленькая революция заставила соски Аделаиды затвердеть под тонким шёлком.

— Правила просты, — продолжила она, опускаясь в кресло и элегантно закидывая ногу на ногу. Разрез платья обнажил бедро почти до самого верха. Она заметила, как несколько мужчин непроизвольно сглотнули. — Я задам один вопрос. Вы должны ответить на него честно. Ложь в этом кругу наказуема: лжец покидает отель пешком, без пальто и без кошелька. Вопрос таков: что бы вы купили, если бы деньги перестали существовать как концепция? Что бы вы приобрели, если бы единственным ограничением была ваша совесть?

Тишина в зале стала вязкой. Это была её любимая игра. Она обнажала души быстрее, чем стриптиз.

Первым заговорил молодой поэт с лихорадочным блеском в глазах.

— Я бы купил чужую бессонницу, — выдохнул он. — Я бы заплатил за то, чтобы каждую ночь спать сном человека, который никогда не знал сомнений. Чтобы его покой стал моим.

Аделаида улыбнулась.

— Вы хотите украсть чужое неведение, милый. Это не покупка, это паразитизм. Но красиво.

Следующей была танцовщица, чьё тело было инструментом, доведённым до совершенства.

— Я бы купила право разрушить чью-то идеальную семью, — сказала она, обводя зал вызывающим взглядом. — Я бы купила одну ночь с мужем самой добродетельной женщины в городе. Не ради любви. А ради того, чтобы утром она увидела в его глазах то, что видела бы я. Я бы купила её крушение.

В зале пробежал нервный смешок. Аделаида почувствовала, как по её коже пробегает горячая волна. Её возбуждала эта откровенная, животная жестокость. Она перевела взгляд на Михаила. Он не улыбался. Его челюсть была сжата, а глаза потемнели. Ему не нравилось это. Ему не нравилось, как она упивается чужими пороками. И это делало её ещё более влажной.

— А вы, Лев? — обратилась она к двадцатитрёхлетнему скрипачу, который сидел, нервно теребя манжету рубашки.

Лев поднял на неё глаза, полные обиды и страсти.

— Я бы купил ваши руки, Аделаида.

Зал замер.

— Мои руки? — переспросила она, медленно поднимая ладони и рассматривая свои тонкие пальцы с тёмным камнем на безымянном.

— Я бы купил право на то, чтобы они касались только меня. Чтобы вы забыли, как ощущается кожа других мужчин. Я бы купил вашу память о них и стёр бы её.

Это было собственнически. Это было наивно. И это было невероятно эротично. Аделаида медленно облизнула губы.

— Ты хочешь купить мою историю, Лев. Но история — это единственное, что нельзя отчуждить.

Она поднялась с кресла и медленно пошла по кругу. Её бёдра покачивались в такт неслышимой музыке. Она останавливалась за спиной каждого гостя, касаясь их плеч кончиками пальцев, оставляя за собой шлейф из мурашек и тяжёлого парфюма с нотами уда и чёрной орхидеи.

— А что бы купила я? — прошептала она, остановившись за спиной стареющего банкира, чья лысина блестела в полумраке. Она наклонилась, её грудь почти коснулась его плеча, и он судорожно втянул воздух. — Я бы купила мгновение. Тот самый короткий, неуловимый миг, когда мужчина, уверенный в своей силе, внезапно понимает, что он полностью, бесповоротно в моей власти. Когда его гордость ломается, и он готов отдать мне всё, лишь бы я не отводила глаз. Я бы купила его капитуляцию. И законсервировала бы её в банке с формалином.

Она выпрямилась и посмотрела через зал. Прямо на Михаила.

— А ты, Михаил? Что бы купил реставратор, который знает, что под каждым слоем краски скрывается гниль?

Михаил оторвался от колонны. Он сделал шаг вперёд, выходя из тени. В его глазах не было игры. Только тёмная, пугающая серьёзность.

— Я бы купил право снять с тебя это платье, — сказал он тихо, но в абсолютной тишине зала его голос прозвучал как выстрел. — Не за деньги. Не в качестве сделки. А просто потому, что ты устала быть королевой. Я бы купил твою слабость, Аделаида. Ту, которую ты прячешь за красными шторами.

Воздух в комнате, казалось, вспыхнул. Несколько гостей ахнули. Это было нарушением всех негласных правил. Это было вторжением. Но Аделаида почувствовала, как между её ног разлилось тяжёлое, пульсирующее тепло. Он посмел вызвать её на дуэль при всех. Он посмел предложить ей то, что она боялась желать больше всего на свете.

Она медленно подошла к нему. Остановилась в полуметре. Она чувствовала жар его тела, видела, как бьётся жилка на его шее.

— Слабость не продаётся, Михаил, — прошептала она так, чтобы слышал только он. — Но если ты найдёшь её... ты можешь оставить её себе.

Внезапно музыка, игравшая фоном, оборвалась с резким треском. Свет мигнул и погас, оставив зал освещённым лишь тусклым аварийным освещением и огнями города за окном.

Раздался звон разбитого стекла.

Когда свет включился секундой позже, круга кресел уже не было. Гости вскочили, переговариваясь.

Аделаида резко обернулась. Кресло молодого поэта, который хотел купить чужую бессонницу, было пусто. Бокал на полу был разбит. Самого поэта не было.

— Где Этьен? — спросил банкир, nervously оглядываясь.

Аделаида подошла к разбитому бокалу. Рядом с осколками лежала маленькая, свёрнутая в трубку карточка из плотной чёрной бумаги. Она подняла её. На ней не было имени. Только одна фраза, написанная серебряными чернилами:

«Архив помнит тех, кого ты купила. И тех, кого ты сломала. Скоро мы придём за сдачей».

Аделаида сжала карточку в кулаке. Её сердце билось ровно, но внутри неё уже поднялся холодный, яростный шторм. Кто-то в этой комнате только что сыграл в её игру. И этот кто-то знал о чёрной книге. Книге, которую она держала в сейфе за картиной в своём кабинете.

Она подняла глаза и встретила взгляд Михаила. Он понял. Он всегда понимал слишком много.

Вечер свободных сделок закончился. Началась охота.

Глава шестая. Жюстина в зеркале

Утро после бала всегда было для Аделаиды временем расплаты. Не финансовой — с этим у неё не было проблем, — а физической. Тело, привыкшее к ночным марафонам власти и желания, требовало тишины.

Она лежала в своей огромной кровати, застеленной чёрным шёлком, совершенно голая. Простыни были смяты, хотя она спала одна. Аделаида любила чувствовать ткань кожей, это напоминало ей о том, что она жива, что её тело всё ещё способно чувствовать прохладу и тепло. В комнате было прохладно, но её кожа горела. Воспоминания о взгляде Михаила, о его словах, брошенных ей в лицо при тридцати свидетелях, заставляли её соски твердеть, а живот напрягаться в сладкой, тянущей судороге. Он хотел купить её слабость. Глупый, дерзкий мальчишка. Он даже не подозревал, что её слабость была опаснее чужой силы.

Дверь спальни открылась без стука. Только один человек в мире позволял себе такое.

Дарья Северина вошла в комнату, неся с собой запах крепкого кофе и дорогого, строгого парфюма. Дарья была адвокатом, подругой и единственным человеком, который не боялся Аделаиду. Ей было сорок два, она носила безупречные брючные костюмы, собранные в тугий пучок волосы и очки в тонкой золотой оправе. В её внешности была стерильная, почти хирургическая строгость, которая всегда забавляла Аделаиду. Дарья была вулканом, покрытым слоем вечной мерзлоты.

— Ты выглядишь как женщина, которая только что проиграла состояние, — констатировала Дарья, ставя серебряный поднос с кофеваркой на туалетный столик, сплошь уставленный зеркалами.

— Я выгляжу как женщина, которая знает, что состояние — это единственное, что нельзя потерять, если держать его в правильных руках, — лениво отозвалась Аделаида, потягиваясь. Шёлк скользнул, обнажив её грудь. Она не пыталась прикрыться. Перед Дарьей не было нужды играть в стыдливость.

Дарья налила кофе, её движения были резкими, отрывистыми.

— Этьен пропал, Ада. Полиция уже опрашивает персонал отеля. Его телефон отключён. В его номере найдены только разорванные контракты и записка.

Аделаида села, откинувшись на изголовье.

— Записка?

— «Я купил то, что вы предлагали. Но цена оказалась выше».

Дарья повернулась к ней, и в её глазах, за стёклами очков, сверкнул холодный огонёк.

— Твои игры зашли слишком далеко. Ты собираешь вокруг себя сломанных людей, даёшь им иллюзию выбора, а потом удивляешься, когда они начинают кусаться.

Аделаида взяла чашку, позволяя фарфору согреть её ладони.

— Ты снова начинаешь читать мне мораль, Даша. Это так утомительно. И так... бесполезно.

— Я не читаю мораль. Я констатирую факты, — Дарья подошла ближе, её взгляд скользнул по обнажённому телу Аделаиды с выражением, в котором смешивались осуждение и странная, скрытая зависть. — Ты называешь это свободой. Ты говоришь им, что заключаешь сделку между двумя свободными волями. Но это ложь. Ты прикрываешь жажду власти красивыми словами о свободе. Ты не покупаешь их время, Ада. Ты покупаешь их право не нести ответственности за свою жизнь. Ты — их наркотик. И рано или поздно кто-то решит, что дешевле убить дилера, чем платить ему.

Аделаида медленно поставила чашку. Ей нравилось, когда Дарья злилась. В такие моменты её стерильная броня давала трещину, и оттуда вырывался жар.

Аделаида встала с кровати. Она была выше Дарьи, и теперь она использовала это. Она подошла к подруге вплотную, так близко, что почувствовала, как Дарья задержала дыхание. Аделаида подняла руку и кончиками пальцев коснулась туго застёгнутого воротника её белой шелковой блузки.

— Порядочные люди, Даша... — прошептала Аделаида, медленно, пуговица за пуговицей, расстёгивая воротник, открывая ключицы подруги, — просто продают себя дешевле.

Дарья не отстранилась. Её грудь тяжело вздымалась под тканью.

— Они продают себя за ипотеку, — продолжала Аделаида, её голос стал тише, интимнее. — За штамп в паспорте. За право называться «хорошей женой» или «надёжным мужем». Они отдают свои тела, свои мечты, свои ночи людям, которых разлюбили через год после свадьбы, и называют это любовью. Потому что слово «сделка» кажется им грязным. Я просто честнее. Я плачу наличными. Я не требую от них верности до гроба. Я требую только искренности в моменте. Разве это не милосердие?

— Это цинизм, — хрипло выдохнула Дарья, но её руки, висевшие вдоль тела, сжались в кулаки.

— Это гигиена, — возразила Аделаида. Она провела ладонью по шее Дарьи, чувствуя, как бешено бьётся её пульс. — Ты думаешь, я не вижу, как ты смотришь на своих клиентов? На этих молодых, отчаянных парней, которые приходят к тебе в контору за спасением от долгов? Ты спасаешь их, Даша. Ты берёшь их дела, ты выигрываешь их процессы. И что ты получаешь взамен? Их благодарность? Нет. Ты получаешь право воображать, как они выглядели бы без этой брони. Но ты никогда не прикоснёшься. Потому что ты боишься, что если начнёшь брать то, что хочешь, ты перестанешь быть «порядочной».

Дарья резко отшатнулась, застёгивая блузку дрожащими пальцами. Её лицо горело.

— Не смей анализировать меня, Ада. Я не одна из твоих игрушек. И этот твой реставратор... Ветровский. Он тоже не игрушка.

При упоминании Михаила живот Аделаиды снова сжался.

— Что ты знаешь о Михаиле? — спросила она, шурясь.

— Я знаю, что он не берет деньги просто так. Я видела, как он смотрел на тебя вчера. Это не взгляд наёмника. Это взгляд человека, который собирается тебя разобрать на части, чтобы понять, как ты работаешь. И когда он это поймает... он не продаст тебе это обратно. Он оставит себе.

Дарья взяла свой портфель.

— Этьен был не просто поэтом. Он был куратором. И он имел доступ к твоему старому архиву. Тому, который ты держишь в кабинете. Берегись, Ада. Твои призраки научились открывать двери.

Когда Дарья ушла, Аделаида долго стояла перед зеркалом. Она смотрела на своё отражение: зрелое, прекрасное, хищное тело женщины, которая знала цену всему. Но в глубине её тёмных глаз на секунду мелькнул страх. Не перед призраками. А перед тем, что Дарья была права.

Михаил не хотел её денег. Он хотел её суть. А это была единственная валюта, которой у Аделаиды Лорен не было в наличии. Она могла купить любого. Но как купить того, кто хочет тебя раздеть до костей, не касаясь кожи?

Глава седьмая. Падение с террасы

Ночь была душной, тяжёлой, как мокрое шерстяное одеяло. Надвигалась гроза, но дождь всё не начинался. Воздух в доме Аделаиды казался наэлектризованным, и это напряжение передавалось каждому, кто находился под её крышей.

Михаил работал в архивной комнате до глубокой ночи. Он сортировал письма, старые фотографии, счета. Но его мысли были не в бумагах. Они были в спальне на втором этаже, где, как он знал, Аделаида сейчас лежала в своей чёрной постели.

Он слышал её шаги. Он чувствовал её присутствие через перекрытия.

Когда часы пробили два, дверь архива тихо скрипнула.

Аделаида вошла без стука. На ней был только тонкий, полупрозрачный пеньюар цвета запёкшейся крови, накинутый на голое тело. Под ним не было ничего. Это было видно по тому, как ткань липла к её соскам, как очерчивала тяжёлый, плавный изгиб её бёдер. В руке она держала два хрустальных бокала с янтарной жидкостью.

— Ты работаешь слишком много, Михаил, — сказала она. Её голос был хриплым от долгого молчания.

— Я пытаюсь найти то, что вы прячете, — ответил он, не вставая из-за стола. Его взгляд скользнул по её фигуре, и он почувствовал, как во рту пересохло.

— И что ты нашёл?

— То, что вы боитесь.

Аделаида подошла к столу, поставила бокалы и оперлась о его край. Пеньюар распахнулся, обнажив её бедра и тёмный треугольник между ног. Она знала, что делает. Она предлагала себя, как самый дорогой экспонат в её коллекции.

— Я ничего не боюсь, — прошептала она, глядя ему в глаза. — Я просто не люблю, когда вещи лежат не на своих местах.

Михаил медленно поднялся. Он был выше её. Он обошёл стол, сокращая расстояние между ними, пока их тела не оказались в миллиметре друг от друга. Он чувствовал жар её кожи, запах её возбуждения, смешанный с дорогим коньяком.

— Третье правило, — тихо сказал он, поднимая руку и касаясь пальцем тонкой бретельки её пеньюара. — Деньги, подарки и услуги называются своими именами. Что это, Аделаида? Услуга? Подарок? Или ты пытаешься купить моё молчание о том, что произошло в отеле?

— Я не покупаю тебя сегодня, — её дыхание сбилось, когда его палец скользнул по её ключице, спускаясь ниже, к ложбинке груди. — Сегодня я не королева. Сегодня я просто женщина, которая устала от собственных правил.

— Четвёртое правило, — напомнил он, его голос упал до шёпота. — То, которое ты оставила для себя.

— К чёрту правила, — выдохнула она.

Это было похоже на взрыв. Михаил схватил её за талию, притянув к себе так резко, что она ахнула, и его губы накрыли её рот. Это был не поцелуй, это было вторжение, требование, поглощение. Он целовал её жадно, грубо, стирая всю её надменность, всю её философию сво-

бодных сделок. Аделаида ответила с той же отчаянной страстью. Её руки зарылись в его тёмные волосы, ногти впились в кожу головы. Она хотела, чтобы он причинил ей боль, чтобы он сломал её контроль.

Он подхватил её на руки, легко, словно она ничего не весила, и прижал к стене архива. Полки с книгами и папками скрипнули. Его руки были везде: они мяти её грудь через тонкий шёлк, скользили по её бёдрам, задирая ткань.

— Ты моя, — рычал он ей в шею, кусая нежную кожу, оставляя метки. — Не за деньги. Не по договору. Ты моя, потому что ты этого хочешь.

— Да... да... — стонала Аделаида, теряя рассудок от того, как его грубые, мозолистые пальцы реставратора скользнули между её ног, находя её влажной, горячеей, готовой. Он знал, как касаться её, словно изучал её тело всю жизнь. Он проникал в неё пальцами, и она выгибалась, вскрикивая, впиваясь ногтями в его плечи.

Здесь, среди пыли веков и чужих тайн, они сплетались в одно существо. Не было ни возраста, ни статуса, ни богатства. Была только голая, первобытная страсть, жадность друг к другу, желание поглотить и быть поглощённым. Когда он вошёл в неё, Аделаида закричала, заглушая звук его имени, и этот крик был не от боли, а от невероятного, разрывающего душу облегчения. Она больше не должна была быть сильной. Она могла просто чувствовать. Каждый его толчок был ударом в колокол, разбивающим её стеклянный купол одиночества. Она кончила первой, содрогаясь всем телом, сжимая его внутри себя так, что он зарычал, теряя контроль, и излился в неё, прижимая её лбом к холодной стене.

Они стояли так долго, тяжело дыша, не размыкая объятий. Аделаида чувствовала, как его сердце бьётся в её грудь. Это было опаснее любой сделки. Это было начало конца.

— Иди в спальню, — прошептал Михаил, целуя её влажный висок. — Я закончу здесь и приду к тебе.

Она кивнула, её ноги дрожали. Она поправила пеньюар, чувствуя себя обнажённой не физически, а как-то глубже, до самой сути, и тихо выскользнула из комнаты, оставив его одного.

Михаил подошёл к столу, чтобы допить остывший коньяк. Его тело гудело от удовлетворения, но разум, всегда острый, уже начал фиксировать детали.

В комнате было душно. Окно, выходящее на заднюю террасу, было приоткрыто, и тяжёлая штора колыхалась от ночного ветра.

Михаил нахмурился. Он точно помнил, что окно было закрыто. Аделаида не любила сквозняков, они портили бумагу.

Он подошёл к окну и выглянул на террасу. Было темно, но свет из комнаты выхватывал кусок каменного пола.

И тогда он увидел это.

На полу, у самого парапета, лежала чёрная перчатка. Мужская, из тонкой лайки.

Михаил открыл дверь и вышел на террасу. Ветер ударил ему в лицо, принося запах озона и надвигающегося ливня. Он наклонился и поднял перчатку.

Она была тяжёлой. И влажной.

Михаил поднёс её ближе к свету, падающему из окна. Ткань на ладони и пальцах была пропитана чем-то тёмным и липким. Кровь. Ещё не высохшая.

Его сердце пропустило удар. Он резко обернулся к архиву. Его взгляд метнулся к стене, где висела большая картина в тяжёлой раме. За ней, как он знал из схем дома, которые изучал ранее, находился стенной сейф.

Картина была слегка сдвинута.

Михаил бросился к ней, откинул холст. Стальная дверца сейфа была приоткрыта. Внутри было пусто.

Чёрная книга. Та самая книга, в которой Аделаида вела учёт своих любовников, их долгов, подарков и слабостей. Архив человеческих пороков, её личная Библия власти — исчезла.

Михаил стоял на террасе, сжимая в руке окровавленную перчатку, и смотрел в чёрное небо. Гроза наконец разразилась. Первые тяжёлые, ледяные капли ударили ему в лицо, смешиваясь с потом.

Кто-то был здесь. Кто-то пробрался в дом, пока они с Аделаидой теряли рассудок от страсти. Кто-то украл не деньги, не бриллианты, не картины. Они украли её душу. Её рычаги управления миром.

И они оставили кровь. Кровь, которая означала, что это была не просто кража. Это было предупреждение.

Аделаида Лорен думала, что она королева страсти, что она покупает людей и их судьбы. Но кто-то решил, что пришло время вернуть ей чек. И проценты по этому чеку будут оплачены не деньгами.

Михаил сжал перчатку в кулаке. Он понял, что теперь он не просто реставратор. Он стал её единственным щитом в войне, правила которой он ещё не знал. И самое страшное было в том, что он был готов убивать за женщину, которая только что сломала все свои правила ради него.

Глава восьмая. Архив человеческих слабостей

Дождь не прекращался до самого рассвета. Он барабанил по крыше дома Аделаиды Лорен, словно пытаясь смыть с этого места все грехи, которые здесь совершались. Но некоторые пятна не отстирываются водой.

Михаил не ушёл из архива. Он стоял у окна, всё ещё сжимая в руке окровавленную перчатку, и смотрел, как первые серые проблески утра пробиваются сквозь тучи. Его тело помнило каждое прикосновение Аделаиды, каждый её стон, каждый удар её сердца о его грудь. Но разум был холоден и ясен, как скальпель. Кто-то проник в дом. Кто-то знал, где она хранит свою душу. И этот кто-то был готов убивать.

Дверь тихо скрипнула.

Аделаида вошла, завернувшись в тяжёлый халат из тёмно-синего бархата. Её волосы были растрёпаны, на шее алели следы его зубов. Она выглядела не как королева, а как женщина, которую только что любили так, что она забыла, как дышать. Но в её глазах уже возвращался привычный, стальной блеск.

— Ты не пришёл, — сказала она. В её голосе не было упрёка. Только констатация.

— У нас проблема, — Михаил повернулся к ней, протягивая перчатку.

Аделаида взяла её, её пальцы скользнули по влажной коже. Она поднесла перчатку к носу, понюхала. Её лицо не изменилось.

— Мужская. Размер небольшой. Дорогая кожа. Итальянская работа.

— Ты узнаёшь её?

— Нет. Но я узнаю запах крови. Она свежая. Не старше двух часов.

— Сейф был открыт. Книга исчезла.

Аделаида медленно опустилась в кресло. Халат распахнулся, обнажив её ногу до самого бедра. Она словно не замечала этого. Или замечала, но ей было всё равно. Перед Михаилом она больше не играла в броню.

— Чёрная книга, — прошептала она. — Там всё. Имена, даты, суммы. Кто, когда, за что. Кто из них лгал мне. Кто из них предал других. Кто из них... — она запнулась, — кого из них я сломала.

— Зачем она кому-то? Шантаж?

— Возможно. Но это слишком примитивно. Тот, кто украл её, оставил перчатку. Он хотел, чтобы мы знали. Это не кража. Это объявление войны.

Михаил подошёл к ней, встал на колени перед креслом. Его руки легли на её бёдра, большие пальцы начали медленно, круговыми движениями гладить нежную кожу внутренней стороны бедра. Аделаида вздрогнула, её дыхание сбилось.

— Ты не боишься? — спросил он, глядя ей в глаза.

— Я боюсь только одного, — она наклонилась вперёд, её грудь коснулась его груди. — Что ты уйдёшь, когда узнаешь всю правду.

— Какую правду?

— Ту, что в книге. Ту, что я хранила.

Она встала, потянув его за собой. Её руки скользнули по его спине, сжимая его ягодицы, притягивая его таз к своему. Между её ног было влажно и горячо. Она хотела его снова. Здесь. Сейчас. Словно пытаясь телом заглушить страх.

— Ада... — прошептал он, чувствуя, как его член твердеет, откликаясь на её зов.

— Займись мной, — её голос был требовательным, но в нём дрожала мольба. — Заставь меня забыть. Хотя бы на несколько минут.

Он подхватил её, прижал к стене, его губы нашли её шею, зубы впились в кожу. Она вскрикнула, обвив ногами его талию. Он вошёл в неё резко, до самого основания, и она застонала, впиваясь ногтями в его плечи. Это был не акт любви. Это был акт отчаяния. Они трахались так, словно пытались слиться в одно существо, чтобы никто не мог их разделить. Каждый его толчок был ударом в её страх, каждый её стон был криком о помощи, которую она не умела просить словами.

Когда они кончили, скользя по стене на пол, Аделаида прижалась лбом к его плечу и тихо заплакала. Михаил обнял её, гладя по волосам, и впервые почувствовал, что держит в руках не королеву, а хрупкую, сломленную женщину.

— Расскажи мне, — сказал он, когда её рыдания стихли. — Расскажи, что было в книге. Что ты прячешь даже от себя.

Аделаида подняла голову. Её глаза были красными, но взгляд — ясным.

— Пойдём. Я покажу тебе кое-что. То, чего нет в книге. То, что хуже.

Она привела его в маленькую комнату в подвале, о существовании которой Михаил не подозревал. Здесь пахло сыростью и старой краской. На стенах висели картины. Десятки картин. Но все они были странными.

— Это подделки? — спросил он, подходя ближе.

— Нет. Это оригиналы. Но они не должны существовать.

Аделаида подошла к одному из полотен. На нём был изображён мужчина в старинном костюме.

— Этот портрет написан в семнадцатом веке. Но его не существует ни в одном каталоге. Потому что художник, который его создал, был казнён за ересь. Все его работы были уничтожены. Кроме этой.

— Откуда она у тебя?

— Мой первый любовник. Коллекционер. Он украл её из музея Ватикана и подарил мне. В обмен на... — она запнулась, — на одну ночь. Мне было девятнадцать. Я думала, что это любовь. Оказалось, что это сделка.

Михаил прошёлся вдоль стены. Каждая картина была историей преступления. Подделок, которые стали оригиналами. Оригиналов, которые стали подделками. Краж. Шантажа. Убийств репутаций.

— А эта? — он остановился перед портретом молодой женщины с печальными глазами. Аделаида замерла. Её лицо побледнело.

— Это Лена. Лена Соколова. Художница. Она была... моей подругой. Мы вместе учились. Вместе выставлялись. Но она была талантливее. Намного талантливее.

— Что с ней случилось?

— Она пропала. Двадцать лет назад. Полиция решила, что она уехала. Сбежала от долгов. От неудач. Но я знала правду.

— Какую правду?

Аделаида подошла к картине, её пальцы дрожали, касаясь холста.

— Её работы начали подделывать. Кто-то создавал копии и продавал их как оригиналы. Лена пыталась бороться. Пыталась доказать, что это не её рука. Но её не слушали. А потом... потом она пришла ко мне. Сказала, что нашла того, кто это делает. Сказала, что у неё есть доказательства. И на следующий день она исчезла.

— Ты думаешь, её убили?

— Я знаю, что её убили. И я знаю, кто это сделал.

— Кто?

Аделаида повернулась к нему. В её глазах была такая боль, что Михаилу захотелось снова обнять её. Но она отстранилась.

— Мой второй любовник. Галерист. Человек, который сделал меня тем, кто я есть. Он убил её, потому что она угрожала его империи. А я... я знала. И молчала. В обмен на его защиту. На его деньги. На его связи.

Михаил почувствовал, как внутри него что-то обрушилось. Он смотрел на женщину, которую любил — да, любил, он больше не мог это отрицать, — и видел не королеву, а соучастницу.

— Почему ты хранишь эти картины? — спросил он тихо.

— Потому что это моя исповедь. Мой ад. Я смотрю на них каждый день. Чтобы не забывать, чего стоит моя свобода.

Она подошла к нему, её руки легли на его грудь.

— Ты всё ещё хочешь меня, Михаил? После всего этого?

Он посмотрел в её глаза. Увидел там страх. Страх, что он уйдёт. Страх, что он отвернётся.

— Я хочу тебя, — сказал он. — Но не как добычу. Не как сделку. Как равного. Если мы будем бороться с тем, кто украл книгу, мы будем бороться вместе. Без правил. Без контрактов.

Аделаида кивнула, и в её глазах блеснула благодарность.

— Тогда идём. У нас есть имя. И у нас есть враг.

Глава девятая. Человек, который отказался от подарка

Прошло три дня. Три дня, наполненных напряжением, ожиданием и той особой, электрической близостью, которая возникает между людьми, прошедшими через огонь и воду вместе. Михаил почти не выходил из архива, изучая каждую бумагу, каждое письмо, пытаясь найти след того, кто украл книгу. Аделаида была рядом. Они работали бок о бок, их руки соприкасались, их взгляды встречались, и в каждом прикосновении было обещание ночи.

Каждый вечер они уединялись в спальне Аделаиды. Их страсть становилась всё более отчаянной, всё более глубокой. Они исследовали тела друг друга с той жадностью, которая бывает у людей, понимающих, что время может закончиться в любой момент. Михаил научился читать её тело, как сложную карту. Он знал, где провести губами, чтобы она застонала. Знал, как сжать её бёдра, чтобы она потеряла контроль. Знал, что она любит, когда он доминирует, но также любит, когда он позволяет ей брать инициативу.

В ту ночь они лежали в постели, запутавшись в простынях и друг в друге. Аделаида лежала на животе, её голова покоилась на груди Михаила, её рука лениво скользила по его животу, спускаясь ниже. Он лежал на спине, его рука гладила её волосы.

— Ты нашёл что-нибудь? — спросила она тихо.

— Пока нет. Но я близок. Я нашёл старые счета. Платежи, которые не должны существовать. Кто-то получал деньги от тебя годами. Но не как любовник. Как... информатор.

— Информатор?

— Да. Кто-то следил за твоими делами. За твоими связями. И ты платила ему за молчание.

Аделаида приподнялась, её глаза сузились.

— Я не помню такого человека.

— Возможно, ты не хотела помнить.

Она села, простыня соскользнула с её груди. Её соски были твёрдыми от прохлады ночного воздуха. Михаил потянулся к ней, его ладонь накрыла её грудь, большой палец начал медленно кружить вокруг соска. Аделаида вздрогнула, её дыхание участилось.

— Ты отвлёкся, — прошептала она, но в её голосе не было упрёка.

— Я мнргозадачен — усмехнулся он, наклоняясь, чтобы взять её сосок в рот.

Она запрокинула голову, её пальцы зарылись в его волосы. Он сосал, кусал, ласкал её языком, пока она не начала стонать в голос. Затем он перевернул её на спину, раздвинул её ноги и опустился между ними, его губы нашли её влажный центр. Он лизал её медленно, тщательно, изучая каждый её отклик. Она выгибалась, её бедра двигались в такт его языку, её руки сжимали простыни.

— Михаил... пожалуйста... — умоляла она.

Но он не торопился. Он довёл её до грани, затем отстранился, заставив её вскрикнуть от разочарования. Он поднялся над ней, его член был твёрдым, готовым. Он вошёл в неё медленно, растягивая удовольствие. Она обвила его ногами, притягивая глубже. Они двигались вместе, находя ритм, который был только их. Это была не просто страсть. Это был разговор без слов. Признание в том, что они больше не могут друг без друга.

Когда они закончили, лежали, тяжело дыша, Аделаида повернулась к нему.

— Я хочу дать тебе что-то, — сказала она.

— Ты уже дала мне всё, — ответил он, целуя её в плечо.

— Нет. Я хочу дать тебе это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.